

Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 17 июня 2020 г.

Тексты: Х. Каррон. *Что вырывает нас из небытия? Введение*; Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. Гл. 1, 2.

- *Marta, Marta*

Слава...

Добрый вечер. Сегодня мы обсуждаем введение к новому тексту, который я готовлю и над которым мы уже начали работать. Оно перекликается со всем, чем мы живем (интересно наблюдать, как он постоянно бросает нам вызов), и содержанием книги «Прочертить след в истории мира». Начнем.

Пережив тяжелый опыт, я в общем и целом понял, что полноценная и спокойная жизнь не может зависеть от обстоятельств. Обстоятельства бывают против меня. И что я в таком случае делаю? Стараюсь их изменить, «ведь тогда все наладится». Тем временем я живу, задержав дыхание, кое как иду вперед. Проблемы могут и не разрешиться, а даже если и разрешатся, боюсь, этого окажется мало. Кто сказал, что жизнь сложится как в американской комедии? Есть вероятность, что она сложится как греческая трагедия. И тогда? Наш удел – жить в горечи? Не верю! И поэтому под нажимом обстоятельств моей жизни я желаю прислушаться к призыву Движения и «переживать реальность насыщено», как путь к конечному смыслу. Реальность! Не мечту, не иллюзию о грядущем и не сожаление о минувшем. В связи с этим мне важно понять, что именно значит «переживать реальность насыщено» в моей жизни, в моей повседневности. Не хотелось бы, чтобы эта фраза стала лишь пустым слоганом. Очевидно, речь не о том, чтобы реальность нам нравилась насильно: если она враждебна, она враждебна и точка. Кое-кто из друзей посоветовал мне искать положительные стороны. Что положительного в ситуации, которая с каждым днем становится все запутанней? Не в этом путь: в реальности может не быть ни одного проблеска положительности, понимаемой как «приятные обстоятельства». Вопрос даже не в том, чтобы добавить благочестия, стать более набожными. Порой это лишь пластырь, наклеенный задним числом. Так что же тогда значит «насыщенное переживание реальности»? Каков путь? На чем нужно сосредоточить внимание?

С этого вопроса и начнем нашу встречу. Обстоятельства бросают вызов всем, и нам мало, нам недостаточно переживать их как придется: мы хотим жить наилучшим образом, не просто повторяя слоганы, пусть даже правильные, вроде фразы про «насыщенное переживание реальности», или следуя совету «искать положительные стороны», когда во многих ситуациях кажется, что нет и проблеска положительности. Не будем давать теоретические ответы и объяснения, давайте сегодня вечером вместе проделаем путь, чтобы понять, благодаря выступлениям, шаг за шагом, что фактически означает «всегда насыщенное переживание реальности» (Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М., 2004. С. 126).

«Есть Тот, Кто внимает нашему крику...» Я вижу для себя риск: воспринимать эти слова сентиментально, в результате чего, если я «так не чувствую», то я «оставлена» и на меня надвигается тьма. Недавно в одной ситуации я увидела свою незрелость. Когда тебе хорошо за пятьдесят, быть по-прежнему незрелой унижительно. «Толпа», живущая во мне, старалась заставить меня замолчать: «Брось, иди дальше, твоя суть не в этом...» Да, «толпа» внутри и вне меня порой кричит правильные и важные слова, чтобы заставить меня замолчать, так как она тяготеет моими недостатками, и (или) принять их на сентиментальном уровне, в чем нет никакого толка. Мне нужно вверить мою нищету, мою ничтожность, мое сопротивление в руки кого-то конкретного, с именем и фамилией; кого-то, кто видит мое желание не оставаться заложницей моих недостатков; кого-то, кто посмотрит (и поможет мне посмотреть) на мои недостатки как на возможность идти вперед. И тогда я подумала: внимать моему крику – значит шаг за шагом вести меня к моему свершению, с того места, где я нахожусь в настоящий момент, через все обстоятельства и мои реакции на них. Мне хотелось бы, чтобы ты подробнее остановился на внимании нашему крику. Спасибо за твою дружбу.

Видите? Мы слышим эту фразу: «Есть Тот, Кто внимает нашему крику», – и можем воспринимать ее сентиментально, сводя ее лишь к сентиментальному порыву, который она в нас пробуждает. Но очевидно, что это не отвечает на нашу неотложную нужду, на наш крик. И тогда человек спрашивает себя: как не сводить все к сентиментальности? Поскольку – говоришь ты – в таком случае мы пребываем во власти толпы внутри и вне нас, и нас постоянно бросает из стороны в сторону под действием всего, что нас окружает. Ты хочешь вверить твою нищету в чьи-то руки. Почему? Потому что тебе нужен кто-то, кто шаг за шагом поведет тебя к твоему свершению. Наш друг, выступавший первым, хотел понять, что значит «насыщенно жить реальностью», и вот теперь ты замечаешь, что больше всего по-настоящему нуждаешься в том, кто покажет, каким образом переживать обстоятельства, чтобы они способствовали твоему росту. Речь о том, как ощущать, что ты услышан, обнят, не выходя за рамки обстоятельств, в которых ты находишься. Так, благодаря твоему желанию, ты начинаешь путь, ведущий тебя к признанию Того, Кто обнимает тебя: не сентиментально, а реально. И так преодолеваются редукции, о которых ты говорила.

В этот период мне, как и многим, пришлось бездействовать. Я на пенсии и, казалось бы, пора уже привыкнуть, но нет! Вынужденная остановка помогла мне увидеть, что я не видел ничего. После пятидесяти лет в Движении я сегодня понимаю, что переживал все как ничто, заучивая наизусть тексты и пользуясь компанией в собственных интересах. Однако, проверяя, чем определяется мой день сейчас, когда мои заслуги больше не признаются, я должен констатировать: попытки утешиться результатами своей деятельности отчаянны, они все больше истощают и опустошают меня. Что же это за нехватка, наполняющая сердце, о которой ты напоминал нам словами Марио Луци? Я не могу притворяться, и мне ясно: я бегу от реальности, мечтая или строя предположения. Это как жить сегодня, но все время думать о «потом», а значит, никогда не жить настоящим мгновением. В таком случае и правда жизнь во власти ничто. Более того, я просыпаюсь по

утрам уже злым, предвкушая разочарование. Это и есть нигилизм? Из-за этого моя просьба о том, чтобы замечать присутствие Христа и наслаждаться им, всегда остается без ответа? Я понимаю, нужен только Он один, но, думая так, я одновременно ухожу прочь с собственными планами. Это своего рода патология, выбивающая меня из колеи, и я спрашиваю у тебя: как сердце может оставаться здесь, а не где-то еще, здесь, куда Господь поместил меня? Как переживать опыт Бога, чему говорить да? Событиям дня, таким, на первый взгляд, тусклым или противоречащим моим ожиданиям? Мое «да» в этом?

Спасибо тебе. То, о чем ты говоришь настолько правдиво, что каждый из нас подтвердит твои слова во множестве ситуаций. Можно быть в Движении годами, заучивать наизусть тексты и наслаждаться компанией. Но когда мы проверяем, что определяет нашу повседневность, всплывает то, о чем ты сказал. И потому совсем не банально, что ты, как и наша подруга, выступавшая до тебя, желаешь проделать путь. Не банально, что мы не довольствуемся повторением тех или иных слов или утешительными действиями, которые оставляют после себя лишь еще большее опустошение и жажду, и желаем найти настоящий ответ на неотложную нужду нашего сердца. Тут нельзя притвориться, и это многое говорит о том, насколько нужда реальна. Ты сознаешь, что бежишь от реальности в мечты и все время живешь мыслями о «потом». Мы часто замечаем в себе такую неспособность жить в реальности, понимаем, что мы всегда где-то «вне», в вечных мечтах о чем-то другом. Об этом напоминает персонаж Грэма Грина: «Для меня нет настоящего – оно либо в прошлом году, либо на будущей неделе» (См. Г. Грин. *Конец одного романа*. Книга вторая). Реальность сужается либо до уже свершившегося, либо до грядущего, но она никогда, как говоришь ты, не бывает «здесь и сейчас». Именно эту ситуацию мы пытаемся описать словом «нигилизм». Если оно вам не нравится, подберите какое-нибудь другое, но положение дел не изменится: нас бросает из стороны в сторону, и мы не знаем, как выйти из этого состояния. Даже иметь в мыслях слово «Иисус» мало. Поразительно, с какой ясностью наш друг сказал: «Я понимаю, нужен только Он один, но, думая так, я одновременно ухожу прочь с собственными планами». Кажется, Его Имя ни на мгновение не охватывает нас целиком и полностью. И тогда возникает вопрос: «Как переживать опыт Бога, чему говорить да?» Мы поймем это постепенно.

Я благодарю тебя за то, как ты сопровождаешь нас в этот период, за все инструменты, которые ты предлагаешь нам, чтобы мы работали над собой и не влачили жалкое существование. У меня родился вопрос о желаниии: «Чем дальше распространяется нигилизм, тем очевиднее невозможность жить без смысла, тем ощутимее нерушимое желание быть нужными, быть любимыми». По твоим словам, именно это нерушимое желание побеждает нигилизм. Глядя на себя, я замечаю, что в моей повседневности это абсолютное желание выражается во множестве маленьких желаний, возникающих при столкновении с обстоятельствами жизни: в желании оставаться самой собой на работе, в желании, чтобы определенный человек посмотрел на тебя, чтобы учеба имела смысл, чтобы сложные отношения были спасены... Однако часто проще выпустить на первый план твои возражения, твои оправдания и не осуществлять эти маленькие и порой раздражающие желания. Проще идти на поводу у обстоятельств и не утруждать себя. Чтобы прислушиваться к собственным желаниям и следовать за ними, нужно идти на риск, на сложности,

предпринимать усилия, связанные с твоими ранами, с неотложными потребностями. Часто я боюсь. Или просто не хочу. И вот мой вопрос: что позволяет не бояться собственных желаний? Я знаю: рискуя и следуя за желаниями, я становлюсь счастливее!

Ты добавляешь еще один штрих к уже сказанному, поскольку начинаешь понимать: несмотря на все происходящее с тобой, что-то в тебе сопротивляется: твое желание не угасает, и ты догадываешься, что это для тебя очень важно. С одной стороны, ты видишь, как проявляется все твое желание, а с другой – порой боишься его. Поразительно! Когда человек описывает собственный опыт и достаточно внимателен, ему потихоньку открывается все внутреннее устройство «я». Так что же позволяет не бояться желаний?

Должна рассказать об открытии, которое я недавно сделала и которое меня воодушевляет. После начала текста о нигилизме, читая третий пункт, я ожидала, что «освобождение» придет, когда в жизнь ворвется что-то – событие, встреча. Поэтому меня застало врасплох твое утверждение: «Каково же тогда первое движение того, кто не хочет жить, убегая от проблем, которые он не знает, как решать? Признавать – именно в настоящем контексте, обусловленном отсутствием смысла – существование чего-то неумалимого, сопротивляющегося нигилизму. <...> Что в нас сопротивляется? Наше „я“, не поддающееся редукации, о чем... свидетельствует Уэльбек». Меня поразило, что, по-твоему, в этом первое движение, я бы так не сказала, мне бы не показалось, что первое движение в этом. И потому твои слова оказались настоящим сюрпризом, «удивлением», как говорится в названии третьего пункта. Что интересно, случился один эпизод, прояснивший для меня важность вопроса. На следующий день, в воскресенье, я пошла на пикник с друзьями. Мы давно не виделись и хотели встретиться. В какой-то момент один из нас сказал: «О нет, завтра я должен вернуться на работу!» Его фраза, которую я слышала тысячу раз и которую неоднократно произносила сама, меня вдруг изумила. Мы – тут же подумала я – говорим такие слова и не понимаем их значения, сводим их к жалобам, к обычному и привычному «спусканию пара», всем отлично знакомому. В воскресенье вечером и мы можем говорить так же. На самом же деле, если прислушаться внимательно, фраза эта есть выражение сердца, которое не успокаивается, «я», которое невозможно редуцировать и которое не хочет брать на себя предстоящую тяжесть работы, потому что наше «я» создано, чтобы идти на работу счастливым, радуясь этому. И поскольку определенные вещи кажутся нам невозможными, мы смиряемся с этой мыслью и больше не замечаем, как кричит наше сердце. Ты говоришь в тексте: «Причина такого уныния, таких сомнений в том, что мы считаем очевидным существование крика в сердце». Наше представление о нередуцируемом «я» такое, словно мы должны быть такими супергероями, а в действительности же речь именно о ране, о крике. Почему так важно понять это? Потому что в таком случае как раз отсюда и началось бы «освобождение», ведь ты не можешь удовольствоваться тем, чтобы идти на работу и не желать быть счастливым. Если бы мы не считали саморазумеющимся те утверждения, мы точно начали бы кричать, не удовлетворяясь малым, а ища ответа, который сердце ищет и который поэтому не может не существовать. Часто мы виним Бога (или судьбу) в отсутствии ответа в обстоятельствах, но проблема в том, что мы даже не отправляемся на его поиски. И именно поэтому первое движение – в том, чтобы заметить

постоянство желания. Я раньше никогда не понимала таким образом, почему ты, цитируя Уэльбека, настаиваешь на неистребимом желании. Теперь же я вижу, что без этого опыта четвертый пункт («Ты», внимающее крику) остается ярлыком, его значение нельзя понять. Возможно, мы выучиваем слова наизусть и без труда повторяем их, но, не замечая, что твое сердце желает невозможного, как говорит Калигула, и что ты не в состоянии это невозможное заполнить, ты не никогда не заметишь, что можешь кричать и что нам довелось встретить Того, Кто сделал невозможное возможным и Кто говорит тебе: «Чего ты хочешь от Меня?» Спасибо тебе за все, за то, что позволяешь нам совершать такие открытия.

Видишь? Первым делом ты с удивлением поняла, что сама ответила бы иначе, не обратила бы должного внимания на освобождение, заключенное в сердцевине нашего «я» и не поддающееся редукции. Так мы и помогаем друг другу на школе общины: постоянно соотнося наши обычные действия с утверждением о необходимости «насыщенно жить реальностью» или о «„Ты“, внимающем крику». Мы все говорим одно и то же и повторяем одни и те же слова, но для нас они словно ярлыки, наклеенные на жизнь, поскольку мы не сознаем важности некоторых утверждений (вроде фразы о невозможности редуцировать наше «я»), которые могут показаться нам логическим следствием размышления, но не чем-то реальным и отвечающим на вопрос о природе нашего «я». К счастью, уж простите за «игру слов», то, что нередуцируемо, нельзя редуцировать, как нельзя притвориться, что этого нет, тут получится смошенничать. Если бы можно было мошенничать, мы уж точно скатились бы в самое что ни на есть ничто! Именно тот факт, что наше «я» настолько не поддается редукции, постоянно помогает нам замечать, как что-то в нас сопротивляется любому нигилизму.

Но ты сказала и другую вещь, которую нам нужно усвоить. Сама того не сознавая, ты перескочила через нередуцируемость «я». По твоим словам, не понимая, что твое сердце желает невозможного и что ты не в силах его достичь, ты не понимаешь, что можешь кричать. И добавляешь, что тебе довелось встретить Его. Ты затрагиваешь тему встречи, переходя от нередуцируемого «я» ко встрече, но пропускаешь пункт введения, который препятствует восприятию встречи как некоего ярлыка. Для большого числа людей как раз этот момент оказался очень сложным: крик рождается именно от нередуцируемости «я», но, говорит Джуссани, для многих это непостижимо.

Один человек, который не мог подключиться к нам сегодня, написал: «Прошу тебя лучше объяснить мне третий пункт введения и особенно следующее утверждение Джуссани: „При всей его таинственности ответ существует. Он подразумевается вопросом. Если есть крик, есть и ответ“. Мне сложно понять его с точки зрения разума: почему ответ должен подразумеваться вопросом? Разве вопрос не может быть без ответа?» Нам не удается разрешить эту проблему, и в результате «Ты» представляется нам ярлыком, а объятие «Ты» – сентиментальностью (то же верно и в отношении встречи и компании). Вот почему нельзя пропускать этот момент. Письмо продолжается: «Кроме того, если, как говоришь ты дальше, «конечный ответ лежит за пределами опытно познаваемых аспектов бытия», значит я должен искать его в чем-то сверхъестественном, что не принадлежит опытно познаваемому, то есть осязаемому миру [искать за пределами нередуцируемости]?» Спрашиваю еще и потому, что не находя исчерпывающего ответа на мое желание счастья и полноты, я, кажется, подавил в себе вопрос».

У нашей подруги, выступавшей сегодня, был еще один вопрос, который прочитаю я: «Вопрос о смысле подразумевает существование ответа... Часто я ощущаю неустранимое существование нужды, но то, что уже это само по себе гарантирует существование ответа, для меня – противоречие». Что происходит, когда мы думаем, будто это противоречие? «Ты» кажется нам ярлыком, наклепанным на жизнь, объятие «Ты» – сентиментальным, мы не понимаем, что в действительности значит «всегда насыщенно жить реальностью», а потому ищем нашего свершения где угодно еще и уже через мгновение идем на поводу у наших проектов.

Тема взаимоотношения вопроса и ответа помогло мне лучше понять важность того, что стоит за настоящим подчеркиванием в этот исторический момент значения желания, вопроса. Вопрос выявляет человеческое устройство и имплицитно несет в себе доказательство существования ответа. Действительно, безграничная природа вопроса в ограниченном существе указывает на безграничность, утвержденную другим, извне. Вот начало бесконечной природы разума. В этом смысле я понимаю, зачем ты останавливаешься на некоторых фразах Уэльбека : не столько потому, что они описывают некую общую религиозность, а потому, что говорят о структуре человеческого разума и таким образом отсылают к ответу, ведь нельзя не спрашивать об истоках вопроса, о том, что его запускает. Необходимо постоянно сознавать, кто такой человек, помнить о его величии и о предпочтении, которое оказано ему среди всего творения («Что есть человек, что Ты помнишь его», помнишь сейчас). Уэльбек произносит определенный вопрос, высказывает определенную нужду, и для меня это – знак того, что и в нем действует благодать, на которую он в свою очередь отвечает своим вопросом и которая делает его в полной мере человеком. Я сознаю, что мы должны учиться по-настоящему понимать вопросы, о которых говорим, по крайней мере стремиться к пониманию (это тоже, без сомнения, дар, но он требует от нас быть внимательными и пользоваться разумом), чтобы наши ответы не остались где-то рядом с ними, оторванными от них.

Часто мы не обращаем должного внимания на самое очевидное, о чем свидетельствовали все выступавшие до сих пор: вы не могли бы говорить так, как говорили (ощущать недостаточность собственных усилий и заслуг; замечать, как все сводится к сентиментальности; сознавать, что мало первого попавшегося ответа), если бы в вас не было нередуцируемого «я» и неотложной нужды, заставляющей вас кричать. Именно эта ошеломительная нужда, столь неповторимая и столь огромная, что порой она оставляет нас без слов (как говорил Леопарди: «все бесконечно мало по сравнению с необъятностью собственной души»; см. *Мысли. LXVIII*), есть самый ясный знак человеческого величия. Нужно отдать себе в этом отчет, не считать само собой разумеющимся, потому что это простейшая данность, и ни о чем нельзя говорить, не имея ее в виду. Нередуцируемость «я», наш крик – доказательство, подтверждение чего-то иного. Почему? Потому что мы, люди ограниченные, не сами себе даем такое внутреннее устройство. Откуда в структуре нашего «я» взялось нечто столь уникальное, если все мы ограничены и не в состоянии сами себе это дать? Тот, у кого получится найти что-то на высоте нередуцируемого человеческого «я», откроет не то что вакцину от коронавируса, а ответ на проблему жизни! И тем не менее, мы оставляем этот момент без внимания. Все мы изучали (на протяжении долгих лет в Движении, как сказали наши друзья) «Религиозное чувство». Каждый

может посчитать, сколько раз он его перечитывал. Но этот момент словно так и остается непонятым, не превращается в наш опыт. Поэтому, когда Джуссани говорит, например, что ответ содержится уже в вопросе, его слова не совпадают с нашими мыслями. И с одной стороны, меня удивляет, как трудно нам это понять, а с другой, в положительном ключе, поразительно, что случается, когда люди сознают значение этого утверждения в их жизни, как уже сказали наши подруги. Мне важно, чтобы мы увидели это на экзистенциальном уровне, потому что слова Джуссани – не абстрактное утверждение.

На последней дьяконии ты настойчиво повторял вопрос: «Что значит, что уверенность в ответе подразумевается уже криком вопроса?» Меня очень поразило упорство, с которым ты призывал нас не пропускать связующие звенья и не считать ответы, которые мы давали, в том числе и правильные, саморазумеющимися. Вечером следующего дня я встретился с двумя друзьями. Я рассказал им об этом твоём вызове, и тут же возникло горячее обсуждение, выявившее то, как непривычно для нас (для меня в первую очередь) использовать разум. Кто-то сказал: «Это невозможно, я не могу говорить, что ответ содержится уже в крике, сначала должна случиться встреча, чтобы в жизнь проник ответ».

Видите, как мы постоянно перескакиваем, отходим в сторону? В таком случае невозможно понять фразу Джуссани.

В ту ночь я почти полностью перечитал «Религиозное чувство» и словно увидел те страницы впервые. Все меня удивляло, все о чем-то говорило, задавало вопросы, и нередуцируемость «я», опыт нашей ограниченности и необходимость утверждать «Другого» представляли передо мной как стержень всего.

Стержень! Вот в чем суть. «Это стержень всего». Джуссани уловил важнейший момент, и, отстраняясь от него, мы оказываемся в пустоте. Упуская из внимания нередуцируемость нашего «я», факт, столь созвучный нашей природе, мы умаляем христианский опыт или «Ты», о котором мы говорим.

Но мне нужно было, чтобы это превратилось в мой опыт.

В этом-то все и дело: фраза должна стать моей в опыте. Правы те, кто сегодня выступал: нужно, чтобы кто-то помогал нам понимать, что значит в повседневном опыте «всегда насыщено жить реальностью». Только так слова станут моими, мало повторять пустые фразы об опыте, как уже говорилось ранее.

На следующий день, так и не успокоившись, я рассказал о диалоге накануне и о некоторых моментах дьяконии моей жене. И спросил у нее: «Как по-твоему, ответ подразумевается уже самим криком?» Она сказала: «Конечно, мне об этом говорил один коллега, преподаватель математики. Он атеист, но в математике гений. Однажды он сказал: „Я прекрасно помню момент, когда, не находя математической аксиомы, отвечающей на мои вопросы, я вынужден был перестать их себе задавать, потому что иначе мне пришлось бы утверждать существование чего-то иного“». Я остался без слов.

Понимаете? Человек вынужден подавлять вопросы, а иначе ему пришлось бы «утверждать существование чего-то иного». Преподаватель математики уловил важность того, о чем говорит Джуссани: ответ заключен уже в вопросе настолько, что, чтобы отрицать его, нужно отвернуться в другую сторону! Используя же разум должным образом, мы не можем не ощущать, как вопрос подразумевает «существование иного», то есть ответа.

Теперь мне становится понятно, почему ты говоришь, что тебя воодушевляют вопросы. Ты прав.

Это первый плод воспитания, родившегося от харизмы, воспитания, способного сформировать цельную личность. Крик подразумевает наличие ответа. Но ответ, который входит в историю, – совсем другое дело. Не нужно путать одно с другим. Один друг пишет о том, как понял важность этой части введения с экзистенциальной точки зрения: «„Существование ответа заложено в вопросе“, – это одно из утверждений Джуссани, которые меня всегда удивляли и очаровывали. Но, по правде сказать, оно никогда не убеждало меня до конца [такая неубежденность – причина наших бед, ведущая всё в небытие] ни с рациональной точки зрения, ни, что главное, с точки зрения опыта. Небольшой просвет возник несколько недель назад, когда я перечитал твоё выступление, в котором ты объяснял (перескажу своими словами): если у нас есть лишь опыт частного и мимолетного, то как нам приобрести опыт полного и вечного? [Наконец-то кто-то задает себе этот вопрос, не считает самоочевидной нередуцируемое «я», потребность в полноте!] Его должен ввести в жизнь Тот, Кто сам есть вечность и полнота. Но в таком случае, подумал я, мое желание – не просто пустота, нехватка, оно знак присутствия во мне этого Другого, искра пламени Того, Кто в отношении с каждым фрагментом реальности (также принадлежащей Ему) призывает меня к Себе. Следующий шаг: желание познавать это «Ты» и быть с Ним [открыв Его для себя как кого-то реального, подразумеваемого вопросом, он хочет лишь одного: познавать это «Ты» и быть с Ним], с Тем, Кто присутствует и Кого одновременно недостает, разве не есть любовь? [Не происходит ли так же, когда человек влюблен и ощущает трепет тоски по любимой, которая присутствует и которой одновременно недостает?] «Даруй мне рано услышать милость Твою», – говорилось в респонсории утренней молитвы четверга [что-то произошло, на это указывает тот факт, что человек начинает молиться иначе]. Эти слова объясняли произошедшее со мной: как почти всегда в моей долгой жизни, в тот четверг я проснулся в дурном настроении, боясь начинать новый день [как часто страх закрадывается, стоит нам открыть глаза!], с нигилистическим желанием снова заснуть. Но в то утро впервые я вдруг сказал себе, что все это не негатив, который нужно преодолеть, а Он, мой Возлюбленный, призывающий меня». Наш друг пришел к такому выводу не путем размышлений, а постепенно признавая, что желание (как и все другие аспекты, затронутые сегодня вечером: «нередуцируемое „я“, «вопрос», «насыщенное переживание реальности») – не просто слово; оно стало опытом, и потому «Ты» – уже больше не ярлык и не сентиментальность. Когда замечаешь, что все это начинает по-настоящему совершаться «впервые» в жизни, – это знак решающего изменения. И потому этот момент так важен для меня, ведь иначе невозможно признать, что в нас, чуть ли не вопреки нам самим, нашей хандре, метаниям, перепадам в настроении, есть некий якорь. Нечто более глубокое, встроенное в нашу натуру, кричит о Другом. И крик – самый настоящий знак

присутствия Другого во мне, искра Того, Кто призывает меня к Себе: «Не Меня ли тебе не хватает?» Чтобы спросить об этом, Бог не посылает нам ангелов, Он кричит об этом из самого нашего нутра! Вот почему меня так поразила фраза Карен Бликсен, очень емко описывающая именно это: «До сих пор никто не видел, как перелетные птицы направляются в более теплые полушария, которых не существует, или как реки стремят свои потоки по камням и равнинам, чтобы впасть в океан, который невозможно найти. Ибо Бог не создает желание или надежду, если у Него нет наготове реальности, исполняющей их. Наше желание есть уверенность наша, и блаженны тоскующие по дому, ибо они вернутся домой» (Cf. K. Vliхen. *Anecdotes of Destiny*). Вот что трепещет в нас.

Что же происходит, когда человек так идет по дороге жизни?

Это введение переворачивает меня, я чувствую, словно самые глубины моей жизни пересмотрены в нем. Я всегда очень остро ощущала рану обжигающей нехватки, проявлявшейся в повседневном опыте, настолько серьезной, что мне никогда не удавалось в полной мере наслаждаться жизнью, и в некоторые моменты эта неудовлетворенность становилась патологической и словно говорила мне, что я неправильная, раз у меня есть такие вопросы.

Понимаете? Мы даже думаем, что мы неправильные, раз ощущаем в себе такую «обжигающую нехватку!»

Как смотреть на вопрос о полноте, не доходя до разочарованных выводов о невозможности найти что-либо соответствующее? Как увидеть в этом неудобном желании ресурс, чтобы оно не превратилось в закрывающую тебя печаль, а распахнуло тебя для отношения с Ним? Порой кажется, что, не получая полного удовлетворения, мы должны перебросить вопрос в будущую полноту потусторонней жизни. Тот факт, что реальность никогда не удовлетворяет нас, обостряет вопрос и словно ведет к заключению, что в таком случае ничего не достаточно, а значит, ничто не имеет значения. В результате теряешь и то, что есть в твоих руках. Я хочу радоваться всей красоте реальности уже сейчас, здесь, а не за ее пределами. Даже друзей и мужа, которые являются знаком Его присутствия, я иногда вижу сквозь призму претензии, ожидая что они утолят мою огромную нужду быть любимой, всецело, здесь и сейчас, тогда как они с их хрупкой человечностью – только знак огромной любви, которой я жажду. Но мне нужна конкретность, а иначе кажется, что я должна вообразить присутствие Иисуса, Который как-то абстрактно ведет меня к свершению.

«Я должна вообразить присутствие Иисуса, Который как-то абстрактно ведет меня к свершению». Понимаете? Не то что ты не нашла Иисуса, ты воспринимаешь Его абстрактно.

Я вижу, что для тебя это реальность, тогда как я рискую переживать все абстрактно. Опыт этих месяцев в изоляции с очевидностью показал: при всей драматичности ситуации в мире я не была оставлена. Вещи были, тогда как их могло и не быть. Все обрело бóльшую ценность. Мой муж, с которым сложно было пережить выходные, не поругавшись, отношения с которым много лет отмечены черствостью и привычкой, был для меня глубокой компанией

Тайны, близкой мне, а наш четвертый ребенок, родившийся в разгар пандемии, – ясным знаком Его безвозмездной благодати, дарованной нашей жизни. Мне исполнилось сорок лет, и не было ни праздника, ни друзей, но каждое полученное поздравление обретало новый вес, как никогда раньше. Работа мужа полностью остановилась, и так мы поняли, какая это благодать – иметь ее. Как поддерживать такой благодатный взгляд, если уже сейчас, когда чрезвычайная ситуация пошла на спад, он, не ровен час, угаснет? Как этот период может стать точкой невозврата и наметить новое начало? Спасибо.

Тебе спасибо, ведь ты связала всю твою «обжигающую нехватку» (столь острую, что ты кажешься себе неправильной) с неотложной потребностью жить сейчас, не откладывая твоё свершение на потустороннюю жизнь. Последнее не соответствует опыту, который мы переживаем, поскольку мы сотворены, как ты заметила, чтобы наслаждаться сейчас, сейчас. Ты права: сейчас, не в потусторонней жизни, а начиная с этого момента! Если мы никак не наслаждаемся ответом уже сейчас, то где гарантия, что он будет по ту сторону? «Я хочу радоваться всей красоте реальности уже сейчас, здесь, а не за ее пределами», – говоришь ты, не желая отбрасывать вопрос лишь в область будущей полноты. А как понять, что ты отбрасываешь в будущее ответ на вопрос, например, об отношениях с людьми? Самый верный знак, который ты сама же точно выявила, – претензия. Когда ты не живешь в настоящем чем-то, что тебя действительно удовлетворяет и ведет к свершению, начинаешь предъявлять претензии друзьям, мужу, всем. Так неизбежно происходит с любым из нас, это не только твоя проблема. Если ты ее не разрешаешь, постоянных претензий не миновать, и они породят еще больше сложностей, в дополнение к тем, с которыми мы уже пытаемся бороться, и в нас самих, и в других, поскольку другой человек не просто не в состоянии дать тебе свершение, но и ощущает всю твою претензию по отношению к нему. Что же ты поняла во время карантина? Что можно жить иначе. Когда начинаешь сознавать, что Тайна использует другого человека, чтобы явить себя, как она являет себя в крике, как она являет себя в желании, как она являет себя в новорожденном ребенке, тогда вся реальность меняется, и ты спрашиваешь: «Как поддерживать такой благодатный взгляд? Как этот период может стать точкой невозврата и наметить новое начало?» Многие задаются этим вопросом. Такой новый взгляд, который ты заметила в себе, может стать постоянным и, наконец, хорошо нам знакомым, только если мы узнали о нем благодаря определенному воспитанию.

Теперь на вопрос, заданный в первом выступлении, у нас есть завершённый ответ: «Насыщенно жить реальностью» – значит не оставаться на поверхности, переживать отношения с мужем или детьми, не останавливаясь на видимости, доходя до Тайны, к которой они отсылают, знаком которой является наш крик, наше нередуцируемое «я», новорожденный малыш, всё вокруг. Тогда ты перестаешь относиться к мужу с претензией, потому что не он способен наполнить бездну: это под силу лишь Другому, Тому, Кто больше нас. Образующую нас нередуцируемость нашего «я» вместе с потребностью в полноте может удовлетворить лишь исчерпывающий ответ. В противном случае, если они не являются для нас доказательством существования «Ты», «насыщенное переживание реальности» – сколько раз мы это повторяли! – так и останется отвлеченным утверждением, и мы будем говорить о «Ты» набожно, но как о некоем ярлыке. Сколько раз за эти годы каждый из нас говорил: «Я это Ты, творящий меня» или «Когда я произношу „я“, это подразумевает и Другого»! Но почему факт моего существования должен

подразумевать существование «Ты», творящего меня? Почему нередуцируемое «я» есть знак Другого? Почему ребенок есть знак Другого? Почему муж есть знак Другого? Потому что никто не творит себя сам! Поэтому наша подруга, выступавшая в начале, может быть спокойна: Его объятие не сентиментально, ведь ты не в состоянии его придумать и его нельзя свести к сентиментальности. Ты обнята, потому что существуешь. В завершение прочту цитату из книги «У истоков христианского притязания», которая часто казалась нам странной. Отец Джуссани пишет: «Компания – внутри „я“». Лишь Присутствие способно победить одиночество, поскольку наш непреклонный крик находит достойный ответ, только когда открывает для себя Бытие как любовь, которая непрестанно дарует себя, давая бытие мне. Послушайте, что говорит Джуссани: «Всякая человеческая дружба – отблеск изначальной структуры бытия, и, отрицая это, она ставит под угрозу свою истинность» (Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М., 2010. С. 121). Джуссани завершает свою мысль словами о том, что, когда человек это осознает, он начинает молиться по-настоящему. Нам молитва нередко представляется альтернативой разуму и наоборот. Джуссани же в десятой главе «Религиозного чувства» проделывает весь путь: от изумления перед существованием вещей и нашего «я» до «Ты» (вот что значит «насыщенно жить реальностью»!). И только в конце он говорит о молитве. Молитва не отрицает разум, она есть окончательное признание реальности разумом, который, открыв «Ты», может обращаться к нему не как к чему-то придуманному, вымышленному, не как к результату самоубеждения или сентиментальности. Не было бы «Ты», не существуй «я», которое всей своей жизнью свидетельствует, что это «Ты» творит его сейчас. «Я есть Ты, творящий меня».

«Поэтому вершина молитвы – не экстаз, то есть, такое осознание глубин, что человек теряет чувство обыденного; она скорее означает видеть глубину так, как видишь обычные вещи» (Ср. *У истоков христианского притязания*. С. 122).

Этого мы и желаем друг другу на лето: пусть для нас станет привычным «видеть глубины, как видишь обычные вещи».

Школа общины. Не имея в этом году возможности провести общинные каникулы, мы решили поддержать друг друга в июле и предложить еще одну школу общины как помощь на пути в этот летний период. Поэтому следующая встреча состоится в среду, 15 июня, так же по видеосвязи. Будем работать над второй главой книги, которую я заканчиваю писать на основании размышлений, приготовленных мной изначально для упражнений Братства. Текст главы появится на сайте в следующий понедельник. Введение, над которым мы работали до сих пор, станет первой главой. Книга будет опубликована под названием «Сияние в глазах. Что вырывает нас из небытия?» как приложение к июльско-августовскому номеру «Трачче». В начале июля ее также можно будет приобрести в бумажной и электронной версии. Мы выбрали формат книги, поскольку на примере «Пробуждения человечности» ясно увидели, что то, чем мы живем и о чем говорим, интересно и полезно и другим людям. Так нам проще будет познакомить их с ее содержанием.

Летние каникулы. Как мы уже сказали в прошлый раз, обстоятельства не позволяют нам предложить общинные каникулы, да и в случае с другими встречами нужно учитывать указания властей и не устраивать многолюдные собрания. Мы желаем, чтобы, несмотря на это, каждый

мог чему-то научиться на опыте, приобретенном за время карантина, когда мы предлагали друг другу «насыщенно жить реальностью». Это предложение действительно и в следующие месяцы, когда у нас, вероятно, будет больше свободного времени. Отец Джуссани говорил ребятам: «Каникулы – самое благородное время года, это момент, когда человек занимается тем, чем хочет, признавая, какие ценности преобладают в его жизни. Или же не занимается абсолютно ничем, и тогда он глупец. <...> Таким образом, каникулы важны». И он давал два ценных указания о том, как переживать это время: «Прежде всего нужно внимательно выбирать компанию и место, но еще первостепеннее сам способ жизни: если каникулы не помогают тебе помнить о том, о чем бы ты хотел помнить больше всего, если они не делают тебя добрее по отношению к другим, и в тебе, напротив, преобладает инстинктивность, если они не учат смотреть на природу с глубоким намерением, если не позволяют с радостью приносить жертвы, в таком случае время отдыха не достигает своей цели. Каникулы должны быть максимально свободными» (L. Giussani. *Il tempo della libertà // Tracce – Litterae communionis*. Luglio-agosto. 1997. P. 86–87).

Уверен, если мы примем всерьез его слова, это пойдет на пользу человечности каждого из нас и тех, кого мы встретим.

Предлагаем две книги на лето. Первая – «Un avvenimento nella vita dell'uomo» отца Джуссани (Событие в жизни человека; третий том серии, выходящей в издательстве Bui, в нем собраны тексты упражнений Братства 1991–1993 гг.). В ней отец Джуссани помогает нам понять важность христианства для человеческой жизни, в том числе и в нашу эпоху, охваченную нигилизмом. Отец Джуссани пророчески уловил многие ее характерные черты, и в этом контексте описывает событие Христа, предстающее как новизна, достигающая людей нашего времени в человеческих встречах, озаряющих и радикально меняющих жизнь, преображая ее в опыт непреклонной положительности и в конечном итоге – радости.

Вторая книга – роман американского писателя Ллойда Дугласа «The Robe» («Хитон»). В нем рассказывается история римского трибуна, который приводит в исполнение смертный приговор Иисуса и выигрывает в кости Его хитон. Это для него настоящий вызов. Он начинает долгие странствия в поисках мест, где бывал Иисус, и Его друзей. Его история переплетается с историей первых христиан, с которыми он завязывает дружбу. Вера в Иисуса, до тех пор неизменно отвергаемая, становится разумной благодаря совместной жизни с Его друзьями и человеческому пути, на котором все, что он видит и слышит, подвергается оценке разума, разума, расцветающего в отношении с теми людьми. Эта книга напоминает о том же опыте, о каком отец Джуссани пишет в книге «Человек и его судьба»: «Община Церкви... есть одежды Присутствия, как одежды Иисуса для малых детей, окружавших Его. <...> Подобным образом Иисус становится осязаемым, достигаемым для нас в церковной общине, словно она есть одежды, посредством которых наша малость входит в отношение с Его реальным присутствием». Книга доступна на бумажном носителе по цене 14 евро.

День начала года пройдет 26 сентября во второй половине дня по видеосвязи. По-прежнему не будет возможности провести, как обычно, большую встречу в одном или нескольких местах

каждого региона. Если нормы позволят, ее можно будет смотреть в группах с ограниченным числом участников. В начале сентября мы сообщим детали подключения.

Митинг состоится в Римини с 18 по 23 августа в цифровом формате. Все желающие могут внести свой вклад в созидание и функционирование Митинга в этом новом виде, работая в разных подразделениях или распространяя информацию в соцсетях. Для этого необходимо до 30 июня зарегистрироваться на сайте Митинга.

Veni Sancte Spiritus

Хорошего всем вечера!